

ВЫДУМАТЬ АД И РАЙ

ТО, ЧЕМ ОНА ЗАНИМАЛАСЬ, СЕЙЧАС НАЗЫВАЕТСЯ ЕМКИМ ТЕРМИНОМ «СОВРЕМЕННЫЙ ТАНЕЦ». НА САМОМ ДЕЛЕ НИКАКОЙ ОН НЕ СОВРЕМЕННЫЙ. ТАНЕЦ СУЩЕСТВУЕТ СТОЛЬКО ЖЕ, СКОЛЬКО СУЩЕСТВУЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. ПРОСТО ДО ПОЯВЛЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО БАЛЕТА ЕГО НЕ ПРИНЯТО БЫЛО СЧИТАТЬ ИСКУССТВОМ В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА. ТАК ЧТО АЙСЕДОРА НИЧЕГО НЕ ПРИДУМАЛА.

Она лишь вернула танец туда, откуда он вышел — в стихию жизни. Секрет ее танца прост: надо отбросить условности и стать собой. На практике это оказывается самым сложным. Но если получится, станцевать можно все: любовь, ненависть, порыв ветра, революцию, смерть, разлуку. И даже такую причудливую биографию, какую выбрала себе Айседора Дункан, тоже можно.

При взгляде на Айседору даже самому отъявленному фантазеру не могла придти в голову мысль, что она танцует. Это была довольно полная женщина, совсем не балетной комплекции. На пуантах стоять не могла. С Павловой и Кшесинской — ничего общего. Зато пластика — как будто скопирована у танцовщиц с древнегреческих барельефов. Сходство не случайно. Айседора внимательно изучала греческие и итальянские танцы. Ее одержимость Грецией доходила до абсурда. Она и по улицам расхаживала в тунике. Сейчас бы, наверно, никто и головы не повернул. Но представьте себе: Европа, конец девятнадцатого века. Чопорные дамы и господа в цилиндрах раскланиваются друг с другом за пятьдесят метров. И тут она — растрепанная, босая, в костюме греческой танцовщицы. Когда она в таком виде приехала в Грецию и прошла по афинской улице, ее чуть не забрали в полицию.

Это важный штрих. Не только в биографии Айседоры, но и во всем модернистском искусстве того времени. Стремление быть более естественными, чем сама жизнь, выдавало в этих людях закоренелых эстетов. Эстетом был и Маяковский, мечтавший о том, чтобы

поэзия заговорила языком улицы. И Клюев, расхаживавший по Москве в наряде ломового извозчика, но при этом читавший в оригинале Гейне. И Айседора, танцевавшая под «Траурный марш» Шопена. Недаром же выступать ее приглашали не только в театры, но и на светские рауты. Неискушенная публика такого искусства просто не понимала.

Впрочем, не сказать, что искушенная понимала. Ведь если вдуматься, славу Айседоре принесла вовсе не модернистская концепция танца, а то, что она выступала на публике обнаженной. Для нее это символизировало освобождение от условностей. Скинуть с себя одежду, вернуться в естественное, природное состояние... Но символ мало кто считывал. Большинство было уверено, что им показывают стриптиз. Интересно, что самой ее известной последовательницей была легендарная разведчица Мата Хари. Она, собственно, и стала танцовщицей под впечатлением от танцевальных номеров Айседоры. Танцевала, естественно, обнаженной. В свободное от шпионажа время имитировала малайские и индийские танцы. Но с сегодняшней точки зрения, это был стриптиз в чистом виде.

Нельзя сказать, что Айседора сознательно стремилась шокировать. Просто ее захлестывали эмоции. Духовное и телесное в сознании зрителей того времени были строго разведены. Искусство искусством, секс сексом. Но в сознании Айседоры они существовали неразрывно. Показательна в этом смысле

история ее отношений со Станиславским. Восхищенная его постановками, она прошла после спектакля за кулисы и сказала, что хочет танцевать для Константина Сергеевича обнаженной. Станиславский отреагировал хладнокровно. «Наверно, это очень интересно, — сказал он. — Я непременно посмотрю». И добавил: «Вместе с супругой Машенькой!»

Станиславский не был человеком края, пропасти, безоглядных решений. И культурная традиция, стоявшая за ним, тоже была достаточно сбалансированной, сдержанной, трезвой. В результате коллизия, которая могла повлечь за собой драму отношений, бешеный вихрь событий, кончилась анекдотом.

Настоящая драма ждала Айседору позже, уже после революции. По предложению наркома просвещения Луначарского она открыла в Москве школу современного танца и стала выступать с революционными представлениями. Во время одного из них и состоялось их знакомство с Сергеем Есениным. Айседора танцевала «Интернационал». Трудно представить, как на это реагировали рабочие. Скорее всего, удивлялись. Еще бы: полуодетая немолодая женщина скачет по сцене, размахивая алым шарфом. Что это могло означать? Но был на том вечере человек, который отреагировал именно так, как нужно. Есенин понял, что должен, что-то сделать. Что-то очень яркое, выразительное. Он крепко выругался, сказал: «Отойдите все!» и станцевал

перед Айседорой какой-то дикий, нелепый, но страстный танец. Потом упал на колени. Айседора погладила его по голове и сказала: «Ангел». Заглянула ему в глаза и сказала: «Чиорт!» Такое у них было объяснение в любви.

Как они общались — загадка. Она почти не знала русского. Он не знал английского. Можно не сомневаться, что она не понимала его стихов. Но Есенин, точно так же, как и сама Айседора, не отделял жизни от поэзии. Поэзией была его жизнь, так же, как ее жизнь — танцем.

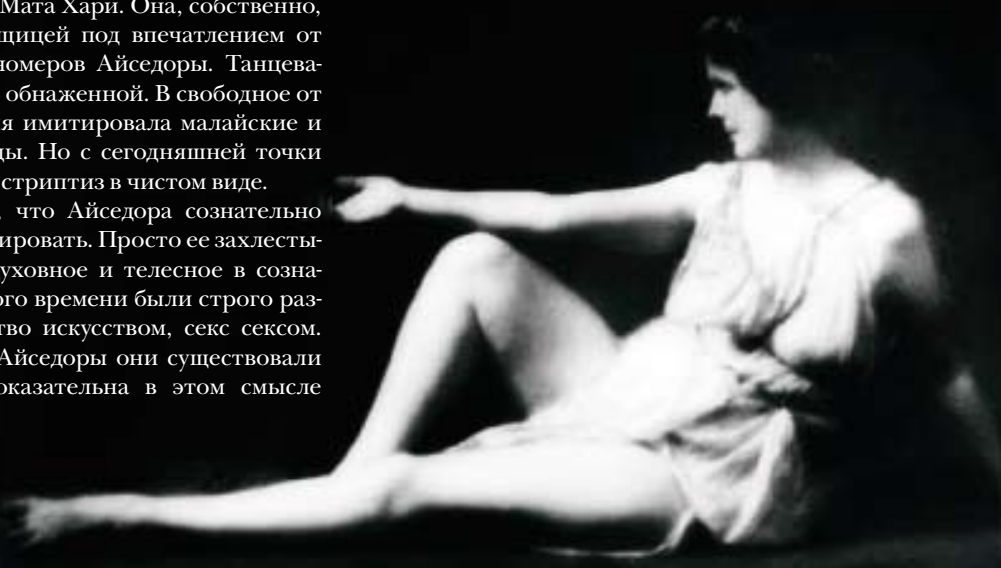
После свадьбы он принял двойную фамилию — Дункан-Есенин. В семейном кругу он звал Айседору по-своему Дунькой, а она его уважительно — Сергей Александрович. Все шло замечательно. Они даже выступали вместе. Она танцевала, он читал стихи. Но, как писал Есенин, «если б не было ада и рая, их бы выдумал сам человек».

Айседора вывезла его в Европу, в Америку. Есенина там никто не знал, он чувствовал себя неуютно. С тоски запил. Раздавал одежду Айседоры нищим, скандалил в ресторанах. Когда газеты написали, что приехала великая Айседора со своим молодым мужем, Есенин так разозлился, что запустил в нее сапогом. Не выдержав его хулиганства, Айседора уехала одна в Париж. «Ну и катись, старая карга!», — сказал Есенин. Через несколько недель он послал ей телеграмму: «Люблю дружую, женат, счастлив». Счастлив он, конечно, не был. Это была ложь. Личная жизнь у него не складывалась. Пил Есенин все больше, беседовал с Черным человеком, сходил с ума.

Вскоре после их разрыва он покончил с собой. Жизнь, которую он вел, иначе и не могла закончиться. Только трагически. Все это понимали.

Айседора пережила его на два года. Последний свой танец она станцевала в Ницце. Села в автомобиль, обмотав вокруг шеи свой знаменитый алый шарф. Тот самый, с которым танцевала перед Есениным. Сказала провожающим: «Прощайте, друзья, я отправляюсь к славе!». Машина тронулась, шарф попал в спицу колеса и задушил ее. Если верить утверждению Айседоры, что танцевать она начала еще в утробе матери, значит танцем действительно была вся ее жизнь. От начала и до конца.

Ян Шенкман

INVENTING HEAVEN AND HELL

WHAT SHE DID IS NOW DESCRIBED AS “MODERN DANCE”. IN REALITY IT WAS NOT QUITE MODERN. DANCE EXISTS AS LONG AS HUMANKIND. HOWEVER BEFORE THE EMERGENCE OF THE CLASSICAL BALLET DANCE WAS NOT FULLY CONSIDERED AN ART FORM. ISADORA DID NOT REALLY INVENT ANYTHING.

She just returned dance to its origins, into the realm of life. The secret of her dance is a simple one: getting rid of all conventions and becoming oneself. This especially provides to be very difficult. But it is possible to express everything with dance: love, hate, the rush of the wind, revolution, death, separation and even such an odd biography that Isadora Duncan chose for herself. By looking at Isadora even the most creative visionary could not imagine her as a dancer. She was a relatively heavy woman, not at all built for the ballet. She couldn't stand on her toes in ballet shoes. She had nothing in common with Pavlova and Kshesinskaya. But her movement seemed as if it was copied from the dancers depicted on ancient Greek bas-reliefs. This resemblance was not random. Isadora precisely studied Greek and Italian dance. Her obsession with Greece reached to the levels of the absurd. She even walked the streets wearing a tunic. Nowadays, nobody would even turn a head. But just imagine Europe at the end of nineteenth century. Stiff ladies and gentlemen in cylinders bowed at each other at fifty meters apart. Oscar Wilde received a prison sentence for sodomy. And there she was uncombed, barefooted, in the costume of Greek dancer. When she came in that attire to Greece and walked on the street in Athens she was nearly taken to the police station. That's an important touch. Not only retaining to the biography of Isadora but to all the modernist arts movement. The aspiration to become more natural than life itself revealed impenitent aestheticism in the artists of the time. Famous poet Vladimir Mayakovsky was an aesthete dreaming of poetry that spoke the tongue of the streets. So was another renown poet of the time Nikolai Kluyev who walked around Moscow dressed as a drayman

while reading the original German text of Heinrich Heine. So was Isadora when she danced to the “Funeral March” of Chopin. That is why she was invited to perform not only in theaters but at high society events. Immature audience did not comprehend this kind of art. However, the mature and experienced audience did not always understand it either. It was not so much the modernist concept of dance that brought Isadora fame, but the fact that she performed nude in public. For her it symbolized freedom from the conventional. Removing clothes meant return to the natural innate state of being... But not many recognized this symbol. The majority of the audience was convinced that it was striptease. It is interesting that the legendary spy Mata Hari was the most famous follower of Isadora.

In fact she became a dancer inspired by the performances of Isadora. Of course she danced nude. In her spare time from spying she imitated Malaysian and Indian dances. But from today's point of view, it was bluntly striptease.

It is difficult to say that Isadora consciously strived to shock her audience. She was just swept away by emotions. At that time the physical and the spiritual were separated in the consciousness of the public. Art was art and sexuality was sexuality. But in the consciousness of Isadora they coexisted inseparably. An example of this was her interaction with Stanislavsky. Delighted by his plays she went backstage after the show and expressed a desire to dance nude for Konstantin Sergeevich. Stanislavsky reacted calmly: “Perhaps it is very interesting,” he said. “I will definitely watch.” And added: “Together with my wife Maria.”

This would be understood nowadays an! asymmetric answer. Two worlds clashed face to face without reaching a mutual understanding. Stanislavsky did not live on the edge of the abyss. The traditional culture standing behind him was balanced, reserved, and sober. As a result, a collision that could arise into a dramatic relationship with a whirl of developments ended as an anecdote.

A real drama reached Isadora later after the Russian revolution. She took an invitation of the enlightenment! commissar Lunacharsky, opened a school of modern dance in Moscow, and started giving revolutionary performances. During one of them she met a Russian poet Sergei Esenin. Isadora danced “The International.” It is hard to imagine how the working class audience could react to this. Most likely they were puzzled. A half naked mature woman was jumping around the stage and waving a red scarf. What could this mean? But there was a man at that performance that reacted properly. Esenin understood that he must do something. Something very vivid and expressive. He heavily swore and then said: “Step away everybody!” He danced a wild, ridiculous, but very passionate dance right in front of Isadora at the end of it falling to his knees. Isadora stroke his hair and said: “Angell!” Then looked in his eyes and uttered: “Devil!” This was their love confession.

Their interaction was a mystery. She almost didn't speak Russian. He did not know any English at all. Without doubt she did not understand any

of his poetry. But like Isadora Esenin did not separate life from poetry. Poetry was his life just like hers was dance.

And then their life became a drama finally evolving into a tragedy even though there were not any explicit reasons for this. They were a successful, famous and talented couple. Peace and love were in the air. They even performed together. She danced and he read his poetry. When they married Esenin took a second surname and became Duncan-Esenin. Privately he nicknamed her with a peasant Russian name Dunka. She addressed him formally as Sergey Aleksandrovich. Things seemed perfect. But as Esenin wrote in his poem: “If heaven and hell did not exist, man would invent them.”

Isadora brought him to Europe and America. Nobody knew Esenin there and he felt uncomfortable. He started drinking. He gave away Isadora's clothes to the homeless and threw fits in restaurants.

When the newspaper wrote that the Legendary Isadora arrived with her young husband Esenin became so enraged that he threw a boot at her. Isadora got quite distressed with his rowdy behavior and left alone for Paris. “Go to hell, old hag,” was Esenin's reply. In a few weeks he sent her a telegram “I'm in love with another woman, happy, and married.” Of course he was not happy. It was a lie. His personal life wasn't successful. He constantly drank, had conversations with the “Black Man” from his famous poem, and went completely crazy. Shortly after separation with Isadora he committed suicide. The life that Esenin led had to end tragically. This was obvious.

Isadora lived for two more years after his death. She performed her last dance in Niece. Then she got in a car with the famous red scarf draped around her neck. It was the same scarf with which she danced in front of Esenin. “Goodbye my friends, I am off to glory!” said Isadora. As the car gained speed her scarf became entangled around one of the vehicle's open-spoked wheels and rear axle.

Isadora claimed that she started dancing in her mother's womb. This means that her whole life from beginning until the end consisted of pure dance.

Yan Shenkman